

The image is a book cover for 'Дом на Краю Времени' by Владимир Кожевников. It features a detailed illustration of a futuristic space station in the foreground, with a large circular window revealing a person's silhouette. The background shows a view of Earth from space, with a bright blue horizon and swirling clouds. Three large, black, reflective spheres are positioned in the lower right, each with a glowing yellow ring around its center. The author's name is at the top, and the title is at the bottom, both in white text.

Владимир Кожевников

Дом на Краю Времени

Владимир Кожевников
Дом на Краю Времени

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Дом на Краю Времени / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Земля умирает. Человечество выживает на орбитальных станциях, храня обрывки прошлого в кристаллах памяти. Двадцать лет назад на орбите появились они — мнемозины. Тёмные, безмолвные, недвижимые. Они не нападают. Они просто заставляют вспоминать. Чужие жизни, чужие голоса, чужие боли. Сэм — архивариус станции «Ковчег». Он один из немногих, кто не боится пришельцев. Он уверен: мнемозины — это библиотека, которую нужно прочитать. Но когда люди начинают забывать свои имена, Совет решает уничтожить их. У Сэма есть двадцать четыре часа, чтобы доказать свою правоту. Двадцать четыре часа, чтобы найти способ говорить с теми, кто не говорит. Двадцать четыре часа, чтобы спасти и людей, и пришельцев — или потерять всё. Вместе с девочкой, которая видит цветные сны там, где давно нет цвета, он отправится туда, где время течёт вспять. Туда, где память становится семенем. Туда, где ему придётся выбрать между тем, что он помнит, и тем, кем он является. Он думал, что знает цену памяти. Он ошибался.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Архив и Тишина	5
Глава 2. Девочка, которая видела Цветные Сны	7
Глава 3. Язык Снов	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Кожевников

Дом на Краю Времени

Глава 1. Архив и Тишина

Сэм работал в Архиве, и Архив был его домом. Он стоял на орбитальной станции «Ковчег», которая когда-то была гордостью человечества, а теперь стала его мавзолеем. Из панорамных иллюминаторов открывался вид на Землю — не на ту голубую планету, которую помнили старики, а на буро-серый шар, окутанный пеленой вечных штормов. Экологическая катастрофа не убила человечество, но выгнала его в космос, под тесные купола станций, где каждый вдох был регламентирован, а каждое воспоминание о прошлом ценилось на вес золота.

Сэм был архивариусом. Его работа заключалась в том, чтобы систематизировать и сохранять память Земли. Голограммы, аудиозаписи, дневники, стихи, фотографии — всё, что осталось от миллиардов жизней, хранилось в кристаллических матрицах Архива. Он был жрецом угасшей религии, служителем памяти, которая, как ему казалось, больше никому не была нужна. Люди на «Ковчеге» выживали, а не жили. Они забыли, как мечтать, потому что мечты требовали будущего, а будущее было туманным и холодным, как вакуум за бортом.

Двадцать лет назад появились они. Мнемозины. Сначала их приняли за астероиды, потом — за инопланетные корабли. Но они не двигались. Они просто висели на орбите, огромные, тёмные, похожие на обсидиановые капли, и излучали слабое, едва уловимое поле. Это поле не убивало и не лечило. Оно заставляло вспоминать.

Сэм помнил свой первый контакт. Он чинил старый проектор для голограмм, когда внезапно перед его глазами вспыхнула чужая жизнь. Он видел женщину, которая пела колыбельную на незнакомом языке, чувствовал запах яблочного пирога, видел, как её руки, покрытые веснушками, гладят шерсть старого кота. Это длилось всего мгновение, но Сэм упал на колени, задыхаясь от нахлынувших чувств. Это было не его воспоминание. Оно было чужим, но почему-то родным.

С тех пор мнемозины стали частью их жизни. Кто-то боялся их, кто-то ненавидел, а кто-то, как Сэм, считал их библиотекой. Огромной, непостижимой библиотекой, которую нужно просто научиться читать. Совет станции во главе с Хартом считал иначе. Они видели в мнемозинах угрозу. И угроза стала реальной.

Всё началось с малого. Сначала люди стали забывать мелочи: где лежат ключи, какое сегодня число. Потом — имена. Сэм видел это своими глазами. Его коллега, инженер Дэвид, стоял посреди коридора, глядя на свою жену Анну с вежливым недоумением, как на незнакомого человека, который к нему пристаёт. Анна трясла его за плечи, кричала: «Дэвид! Дэвид, это я, Анна!», но он только моргал и спрашивал: «Простите, мы знакомы?». Это было похоже на эпидемию, на чуму, которую они несли в себе. А потом забыли слова. Просто перестали понимать речь, издавая бессмысленные звуки.

Совет собрался на экстренное заседание. Харт говорил тихо, но в тишине его голос звучал как приговор: «Мы теряем людей. Не тела — разум. Вчера техник забыл, как запустить систему жизнеобеспечения. Чудом не погибли двести человек. У нас нет времени на изучение. Мы должны уничтожить их. Сейчас».

Сэм стоял в центральном зале Архива, окружённый стеллажами с кристаллами. Он смотрел на Землю через иллюминатор и чувствовал, как в висках пульсирует чужое поле. Мнемозины не были злыми. Они не стирали память, они её переписывали. Они собирали её, как драгоценные семена, чтобы сохранить, потому что Земля умирала. Но их метод — растворение индивидуального в коллективном — был смертью для человечества.

Сэм знал, что должен найти способ говорить с ними. Иначе Совет уничтожит их, и человечество потеряет последнюю надежду на спасение — не тела, а души. Он вспомнил свою жену, Лору, и дочь, Мию. Они остались на Земле. Они погибли. Эта боль была единственным, что делало его Сэмом. И он не мог её забыть. Даже если бы очень хотел.

Он подошёл к консоли и открыл файл, который скрывал даже от себя. Файл назывался «Протокол Мнемозина». Он работал над ним годами, записывая каждую крупницу информации, каждую догадку, каждую безумную теорию. Он был уверен, что пришельцы — это не захватчики, а садовники. Он нажал на кнопку связи с Советом. Пора было начинать разговор. Ответ пришёл почти мгновенно.

Глава 2. Девочка, которая видела Цветные Сны

Совет не ответил сразу. Тишина в эфире длилась долго — три часа двадцать семь минут по станционному времени. Сэм провёл их в Архиве, перебирая кристаллы с воспоминаниями. Он искал что-то, что могло бы стать доказательством его правоты. Но что можно предъявить людям, которые уже разучились чувствовать?

Он нашёл запись первого контакта — ту самую колыбельную на незнакомом языке. Женщина с веснушками на руках. Запах яблочного пирога. Сэм прокручивал её снова и снова, пытаясь понять, что именно мнемозины хотели им сказать. Может быть, ничего. Может быть, всё.

Наконец, экран вспыхнул. Харт смотрел на него с высоты своего поста — человек, который не спал уже третьи сутки, но держался на кофеине и долге. Его лицо было серым, как станционный металл.

— Архивариус Сэм, — сказал он официально. — Ваш запрос на контакт с объектами отклонён. Совет постановил начать подготовку к операции «Чистое Небо». Через семьдесят два часа мы уничтожим мнемозинов.

— Вы не можете, — Сэм даже не повысил голос. — Они не враги.

— Они убивают нас, — Харт произнёс это без злобы, просто как факт. — Медленно, но верно. Вчера ещё трое. Сегодня — одиннадцать. Завтра будет сотня. У нас нет времени на дипломатию с камнями.

Сэм шагнул к экрану.

— Дайте мне двадцать четыре часа. Я найду способ. Я знаю их природу. Они не стирают — они переписывают. Если я смогу показать вам, что они собирают память, а не уничтожают её...

Харт молчал. Долго. Потом провёл рукой по лицу — жест человека, который принимает решение не сердцем, а разумом.

— Двадцать четыре часа, — сказал он наконец. — Не потому, что я верю в вашу теорию, архивариус. А потому, что если вы правы, то мы совершим ошибку, которую не сможем исправить. Если вы ошибаетесь — мы потеряем сутки. Я рискую. Но я рискую меньше, чем вы. И помните: если вы ничего не докажете, вы будете наблюдать за операцией из карантинного блока. Вместе с остальными... забывчивыми.

Экран погас.

Сэм сел на пол, прислонившись спиной к стеллажу с кристаллами. Двадцать четыре часа. Он не знал, с чего начать. Он мог часами смотреть на мнемозинов через иллюминатор, мог изучать их поле, но говорить с ними? Как? Они не отвечали на сигналы. Они не реагировали на присутствие. Они существовали — безмолвно и неотвратимо.

Он закрыл глаза. Чужое поле пульсировало в висках — слабое, как далёкий пульс. Сэм позволил ему войти. Он не сопротивлялся. И тогда он увидел.

Не воспоминание. Сон.

Яркий, цветной, невозможный. Девочка бежала по лугу — настоящему лугу, с травой и цветами, которых Сэм никогда не видел. Солнце — не тусклое пятно за облаками, а золотой шар — светило так ярко, что слепило глаза. Девочка смеялась. Она была счастлива.

Сэм открыл глаза. Это был не его сон. Он никогда не видел такой Земли. Но он чувствовал: это видение принадлежало кому-то на станции. Кому-то, кто родился здесь, на «Ковчеге», и никогда не ступал на планету. Кому-то, чьи сны мнемозины показывали как цветные фильмы.

Он вспомнил. Год назад он слышал разговор двух техников в столовой. Они говорили о детях из жилого блока «С». «Странные они, — сказал один. — Мать рассказывала, её дочь

видит сны. Цветные. Говорит, как кино. А откуда здесь цвета? Мы же все в сером родились». Тогда Сэм не придавал этому значения. Теперь — придавал.

Он бросился к терминалу и начал искать. Дети на станции — их было немного, всего сорок два. Каждый из них родился в невесомости, каждый дышал переработанным воздухом. Но некоторые... некоторые видели сны. Яркие, цветные, невозможные.

Он нашёл её через час. Девочка по имени Ли́ла, девять лет. Жила с матерью в жилом блоке «С-4». Отец — техник, погиб два года назад при разгерметизации. Мать — врач, работала в смену. Ли́ла часто оставалась одна.

Сэм вошёл в блок, когда мать была на дежурстве. Девочка сидела на полу и рисовала. На листе бумаги — настоящей бумаги, которую мать принесла из медицинского архива, чтобы дочь могла рисовать — был изображён луг. Тот самый. С цветами и солнцем.

— Ты видишь это? — спросил Сэм, садясь рядом.

Ли́ла подняла на него глаза. Серые, спокойные, как у человека, который видел слишком много. Она не испугалась.

— Вижу, — сказала она просто. — Они показывают мне. Каждую ночь.

— Кто?

— Те, снаружи. Чёрные. — Она нахмурилась, подбирая слова. — Они не злые, дядя Сэм. Они... как будто хотят что-то отдать. Но у них нет рук. И нет рта. Только картинки.

Сэм замер. Ребёнок говорил о мнемозинах так, как он сам боялся думать. Она не боялась их. Она их чувствовала.

— Ли́ла, — сказал он осторожно. — Ты можешь поговорить с ними?

Девочка нахмурилась, потом кивнула.

— Могу. Но они не слышат меня. Они только показывают. Хочешь увидеть?

Сэм кивнул. Ли́ла закрыла глаза. И Сэм снова увидел луг — но теперь он был там, внутри сна. Он чувствовал траву под ногами, слышал пчёл, ощущал тепло. А потом он увидел себя. Себя — молодого, счастливого, с Лорой и Мией. Они были живы. Они смеялись. Они были рядом. Лора посмотрела на него — и улыбнулась. Не с укором. С пониманием. С прощением.

Сэм упал на колени. Слезы текли по его лицу, но он не мог отвести взгляд. Это было не воспоминание. Это было прощение. Мнемозины показали ему то, что он потерял, не как боль, а как дар.

— Они говорят, — прошептала Ли́ла, и голос её звучал странно, будто не её собственный, — что хотят сохранить нас. Всех. Но чтобы сохранить, нужно... отпустить.

Сэм понял. Он наконец понял.

Он встал, вытер лицо и посмотрел на девочку.

— Ли́ла, — сказал он. — Ты пойдёшь со мной? Нам нужно кое-что сделать.

Она кивнула и взяла его за руку. Её ладонь была тёплой. Он не знал, куда они идут. Но знал, зачем.

Глава 3. Язык Снов

Они шли по коридорам «Ковчега» — девочка и архивариус, — и станция смотрела на них сотнями равнодушных огней. Люди проходили мимо, не поднимая глаз. Они давно разучились удивляться. Девочка, идущая за руку со взрослым мужчиной, не вызвала ни у кого вопросов. Здесь каждый был занят своим выживанием.

Но Сэм чувствовал: за ними следят. Камера в конце коридора мигнула красным — и повернулась. Кто-то на другом конце станции смотрел на них. Харт не доверял ему. Харт просто дал ему шанс. Двадцать четыре часа. И теперь ждал результата.

— Быстрее, — прошептал Сэм, ускоряя шаг.

— Куда мы идём? — спросила Лила.

— Туда, где поле сильнее, — ответил Сэм. — В обсерваторию. Она на верхнем уровне. Там раньше изучали Землю. Теперь там никого нет.

Они поднялись на грузовом лифте — медленном, скрипучем, пропахшем смазкой и ржавчиной. Лифт останавливался на каждом уровне, и каждый раз Сэм напряжённо всматривался в открывающиеся коридоры. На одном из уровней мимо прошёл патруль — двое охранников в серой форме, с парализаторами на поясе. Сэм вжался в стену, заслоняя Лилу. Охранники не обратили на них внимания. Прошли мимо. Сэм выдохнул.

Обсерватория встретила их тишиной. Огромный купол из прозрачного полимера, испещрённый микротрещинами, открывал вид на звёзды и на Землю — бурую, мёртвую, но всё ещё родную. Здесь стояли старые телескопы, покрытые пылью, и кресла с продавленной обивкой. Сэм не бывал здесь годами. Слишком больно было смотреть на планету, которая когда-то была домом.

Лила подошла к иллюминатору и прижалась лбом к холодному стеклу.

— Они близко, — сказала она. — Я чувствую.

Сэм встал рядом. Мнемозины висели в отдалении — три тёмных силуэта, похожих на капли застывшей смолы. Они не двигались. Но поле здесь, наверху, было плотнее. Оно окутывало, как тёплая вода. Сэм чувствовал, как в висках начинает пульсировать — ритмично, настойчиво.

— Что ты видишь? — спросил он.

Лила закрыла глаза.

— Луг, — прошептала она. — И дом. Большой, деревянный. С окнами. В окнах — свет. Там кто-то есть.

— Кто?

— Женщина. Она ждёт. Она всегда ждёт.

Сэм почувствовал, как что-то сжалось в груди. Он знал этот дом. Он видел его в своём первом видении — много лет назад. Женщина с веснушками на руках. Колыбельная на незнакомом языке. Яблочный пирог.

— Лила, — сказал он тихо. — Попроси их показать больше. Попроси показать, чего они хотят.

Девочка нахмурилась. Её лицо стало напряжённым, как у взрослого, решающего сложную задачу.

— Они не понимают слов, — сказала она наконец. — Но они чувствуют. Я могу... я могу показать им картинку. Внутри себя. Как будто рисую.

— Покажи, — кивнул Сэм. — Покажи им, что мы хотим понять.

Лила замерла. Её дыхание стало медленным, глубоким. Сэм смотрел на неё и чувствовал, как поле вокруг них меняется. Оно становилось плотнее, теплее, оно пульсировало в такт с сердцем девочки. А потом Сэм увидел.

Перед его внутренним взором развернулась сцена: Лила стояла на лугу, среди цветов, и протягивала руки к небу. Она не боялась. Она улыбалась. И мнемозины — тёмные, безмолвные — отвечали. Они не двигались, но вокруг них начали вспыхивать образы. Десятки, сотни, тысячи. Лица. Голоса. Смех. Плач. Рождение. Смерть. Всё это проносилось перед глазами, как ускоренная съёмка, и Сэм понял: это память. Вся память человечества. Собранная, сохранённая, живая.

А потом он увидел себя. Маленького мальчика, который бежит по траве. Молодого человека, который впервые целует Лору. Отца, который держит на руках Мию. Всё это было здесь — не как боль, а как сокровище. Мнемозины не крали память. Они её хранили. Но чтобы сохранить, им нужно было отделить её от человека. Растворить индивидуальное в коллективном. И это было смертью для личности.

Сэм открыл глаза. Лила стояла рядом, и по её лицу текла тонкая струйка крови из носа. Девочка покачнулась.

— Лила! — Сэм подхватил её, опустил на пол. — Ты в порядке?

— Нормально, — прошептала она, вытирая нос рукавом. — Так бывает. Когда они показывают много. Это ничего.

— Они говорят, — продолжила она, и голос её звучал странно, будто не её собственный, — что Земля умирает. И они не успевают. Им нужно больше. Больше памяти. Больше семян. Иначе всё будет потеряно.

— Семена, — повторил Сэм. — Они собирают семена.

Он посмотрел на мнемозинов. Три тёмных капли, висящие в пустоте. Садовники. Садовники, которые пришли собрать урожай, пока сад не погиб. Но они не знали, что урожай — это люди. Живые люди, которые не хотели быть семенами.

— Лила, — сказал он, и голос его звучал твёрдо. — Ты можешь передать им сообщение? Прямо сейчас?

Девочка кивнула. Она всё ещё дрожала, но глаза её были ясными.

— Скажи им... — Сэм замолчал. Он не знал, что сказать. Что можно сказать тем, кто хочет спасти тебя, но не понимает, что ты хочешь спастись по-своему? — Скажи им, что мы не хотим быть семенами. Скажи, что мы хотим помнить сами. И забывать тоже. Скажи, что память — это не только то, что хранят. Это ещё и то, что отпускают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.